

представлял собой эпоху революционного краха рабовладельческого строя, гибель которого совершилась по-разному на западе и востоке Римской империи. Всякий общественный строй после ухода с исторической сцены оставляет после себя как пережитки старого уклада, которые надолго задерживают поступательный, закономерный ход развития общественного бытия, так и элементы нового, которые являются плодом длительной эволюции и способствуют дальнейшему прогрессу человечества.

На западе империи крах рабовладельческого общества сопровождался внедрением и преобладанием на длительный срок пережитков последнего этапа родоплеменного строя, которые, с одной стороны, ускорили падение отжившей общественной системы, а с другой — способствовали уничтожению большей части важнейших достижений античного мира и тем самым привели Западную Европу на пороге средневековья к общественной деградации и культурному регрессу.

На востоке империи (в Византии), напротив, крах рабовладельческого строя, хотя и совершался в условиях сохранения пережитков рабовладения, не сопровождался уничтожением большей части ценнейших достижений античного общества.

Отмеченное различие определяет двойственную роль Византии. Пережитки старого в ее общественном организме препятствовали прогрессу, а сохранение и распространение элементов античной цивилизации — способствовали ему. Последнее обстоятельство имело кардинальное значение для исторических судеб Европы при общей культурной деградации на Западе в раннее средневековье.

Германские и славянские племена, усваивая некоторые достижения сельского хозяйства и военного дела позднеантичного мира, уже не переоценивали реальные силы империи, но еще долго признавали ее политическое и культурное превосходство. Формирующаяся знать варварских государств, упрочивая свое господство, усматривала в этом деле в Византии образец, достойный для подражания. Мало того, вплоть до создания империи Карла Великого политические деятели германских стран Запада не отвергали своей причастности к «всемирной» империи (Византии), пытаясь иногда прикрыть свое господство над романизированным населением ее авторитетом, имитируя ее монеты, ведя счет лет в хрониках по правлениям византийских императоров, вводя при дворе высшие почетные титулы империи¹.

Образец прочного и сильного государства усматривала в Византии и правящая знать славянских стран, которая, хотя и не поступалась своим суверенитетом, переняла немало элементов византийского государственного аппарата и ее общественных институтов.

Таким образом, объективно Византия выступила в ранний период своей истории как государство — образец классового господства, что было особенно важно в условиях, когда господствующий класс варварских государств находился на стадии формирования. Лишь ко времени торжества на Западе классической феодальной раздробленности и установления новых форм классового господства, византийская автократия утратила свое обаяние. Впрочем, ее престиж снова возрос, когда страны Европы вступили в стадию перехода от феодальной раздробленности к национальному централизованному государству. Идея «вечного» Рима, автократия Юстиниана I вновь привлекла внимание западноевропейских

¹ Престиж власти византийского императора ощущался на Западе даже после создания там своей империи. Василевсу Византии подражали государи всех стран Европы. Так, Карл Лысый вызывал неудовольствие подданных пристрастием к византийскому этикету: после своей коронации он выступал в одеянии и с инсигниями византийского императора (J. E b e r s o l t. *Orient et Occident; recherches sur les byzantines et orientales en France avant les Croisades*. Paris, 1928, p. 60; F. D ö l g e r. *Byzanz und Abendland vor den Kreuzzügen*, in: «Paraspora», Ettal, 1961, S. 80f.).